

В.А. Ельчанинов

О диалектике понимания и объяснения

По мере развития научного знания, в том числе и исторической науки, все более значимой в методологическом отношении становится проблема диалектической связи между пониманием и объяснением.

Инициированная и первоначально разрабатываемая в ранней герменевтике (Ф. Шлегель, Ф. Шлейермахер, а позднее Л. Ранке, И. Дройзен, В. Дильтей и др.), проблема понимания активно обсуждается в современной философии и методологии науки.

Если первоначально вопросы понимания и толкования текстов ограничивались, как правило, сферой гуманитарного знания, то в наше время они превратились во всесторонне обсуждаемую тему, в том числе и в сфере естественнонаучного знания. Известный отечественный методолог В.С. Швырев не случайно утверждает, что выработанная в герменевтике идея понимания как работы сознания, направленной на выявление смысла, воплощенного в «телах» культуры, является основой для выработки достаточно всеобъемлющего понятия категории понимания [1].

Несмотря на то, что действительно существует различие в объектах познания естественных наук и так называемых общественных, теория понимания стремится к выработке каких-то общих принципов понимания, которые бы удовлетворяли обе сферы научно-познавательной деятельности.

Попытки найти эти всеобщие принципы в научной литературе предпринимаются достаточно давно, начиная с основателей герменевтики, и живо обсуждаются в работах Р. Коллингвуда, Е. Топольского, К. Гемпеля, С. Леласа и других, а также в трудах отечественных авторов А.Л. Никифорова, Б.Г. Юдина, Н.С. Автономовой, А.А. Печенкина, В.С. Шмакова и многих других.

При этом следует отметить, что толкование термина «понимание» далеко от однозначности. Чаще всего процесс понимания связывается с осмыслением, т.е. выявлением того, что имеет для человека какой-либо смысл. Понимание как поиск смысла свойственно современной французской герменевтике, в частности П. Рикеру, который говорит, что понимание составляет особый этап в научном познании, характеризующийся работой по присвоению смысла. Это «этап

между абстрактной рефлексией и конкретной рефлексией... это выявление мышлением смысла, скрытого в символе» [2, с. 42]. Понимание, таким образом, и есть постижение смысла того или иного явления, его места в мире, его функций в системе целого. Понимание помогает раскрыть бесконечные смысловые глубины бытия.

Примерно такое же толкование понимания мы находим и у ряда отечественных методологов науки, в частности у А.Г. Никитиной, Е.П. Никитина в работе «Функции научного исследования», где они недвусмысленно заявляют: «Понять объект – значит постичь... смысл последнего» [3, с. 164]. А В.П. Кохановский выделяет особым шрифтом положение: «Понимание – это поиск смысла» [4, с. 463], который сопровождает всякую конструктивную познавательную деятельность.

Однако в толковании проблемы понимания нам наиболее импонирует точка зрения, отстаиваемая известным исследователем методологической проблематики Н.С. Автономовой, она определяет понимание как синтетическую функцию разума, которая состоит в том, что предмет охватывается в формах единства и цельности. Она утверждает, что такое охватывание не есть простое суммирование наличного материала, что уже на уровне чувственного восприятия целое как бы «предвосхищает» синтез частей. Восприятие частных элементов совершается благодаря «предшествующему» образу целого.

Таким образом, понимание – это и своего рода «достраивание» целого путем синтеза новых фактов с наличными, и ассимиляция целым наличных и новых фактов, «достраивающих» совокупность имеющихся.

Проще говоря, понимание осуществляется как перенос известного в область неизвестного, ассимиляция неизвестного посредством априори известного, т.е. перенос выступает главным механизмом понимания. По убеждению Н.С. Автономовой, метафизический перенос лежит как в основе первичного этапа понимания, так и в основе построения системы понимания более высокого, понятийного уровня [1].

Таким образом, понимание выступает как достаточно общая эпистемологическая категория, позволяющая соединить на основе чувственного восприятия единичное с целым, достроить создаваемую картину дополнительным знанием.

Как верно подчеркнул В.С. Шмаков, проблему понимания очень сложно отделить от непосредственно связанной с ней темы научного объяснения. Правда, эту мысль он высказал в применении к особенностям исторического познания, но, на наш взгляд, она действительно и в отношении любого познавательного процесса, а не только исторической науки.

Недаром еще во времена Аристотеля, когда, в строгом смысле слова, истории как науки еще не существовало, были предприняты попытки выяснить природу **объяснения** любых достоверных знаний. Следует признать, что некоторые идеи Аристотеля, например о том, что научное объяснение представляет собой своеобразный вывод, актуальны и в наше время, когда интерес к проблемам научного объяснения особенно возрос. Об этом свидетельствует не только зарубежная постнеклассическая методология науки, в частности работы К. Поппера, К. Леви-Стросса, М. Фуко, Х. Патнэма, П. Фейерабенда и других, но и труды отечественных философов и методологов.

Еще со времен классического этапа развития науки ведет свою историю объяснение через законы, через объективные существенные и необходимые связи. Законы, например, классической механики были благодатной почвой для объяснения явлений не только механики, физики, химии и других естественных наук, но и социологии и психологии.

Механистическая парадигма научного объяснения стала переживать состояние кризиса лишь с появлением новой микрофизики, в частности с квантово-механическими процессами. Однако следует признать, что механистический подход с его принципами наглядности, причинности и другими, по словам А.А. Печенкина, все еще продолжает функционировать не только в квантово-релятивистской физике, но и во многих других областях научного знания, в том числе и гуманитарного. Взять хотя бы попытку К. Гемпеля с его моделью так называемых охватывающих законов объяснить социально-исторические процессы. Согласно К. Гемпелю, для того, чтобы объяснить событие, его нужно отнести хотя бы к разряду «причинных законов».

Положительной стороной модели «охватывающих» законов К. Гемпеля является то, что она удовлетворяет одному из важных требований, предъявляемых к любого рода объяснению, а именно: она должна объяснить, почему произошло это событие, а не другое. А объяснение, как известно, удовлетворяет данному требованию, если надежно показывает, что такое-то событие обязательно должно было случиться.

Но это, в свою очередь, означает, что подобное объяснение детерминистическое.

Здесь мы приходим к необходимости обозначить еще один подход к так называемому **казуальному** научному объяснению. Он, несомненно, связан с объяснением через закон, поскольку казуальная связь – одна из многих других закономерных связей. Итак, второй вид объяснения – причинно-следственный. Он, мы полагаем, не требует особых разъяснений, поскольку встречается часто и достаточно полно освещен в философской литературе.

Главную трудность, видимо, следует усматривать в процедурах различения казуальных законов и неказуальных, а также в существовании псевдоказуальных процессов. В случае, если бы удалось обнаружить различие между казуальными и псевдоказуальными процессами (особенно в истории), появилась бы надежда найти, наконец, удовлетворительный ответ на юмовский вопрос о природе действительно казуальной связи.

Тесно связанным с казуальным объяснением является так называемое **модельное** объяснение с помощью построения разного рода аналогий. Как известно из формальной логики, каждая аналогия является весьма показательной операцией, но недостаточно доказательной, в этом и состоит главная слабость любого объяснения через аналогию. Так, например, возникло множество аналогичных факторов между исторической ситуацией в России в период нэпа и положением в экономике страны в условиях «демократических реформ» 90-х гг., однако объяснить возможные пути движения России дальше они не смогли.

Все возрастающее значение в науке приобретает так называемое **структурно-функциональное** объяснение. Оно представляет, как известно, выявление структур и функций самого различного происхождения. Данные понятия неразрывно связаны: говоря о функции, ученые стремятся выделить те основные элементы, которые ее выполняют или, говоря другими словами, ответственны за нее. Рассуждая об элементах системы, они так или иначе стремятся к обнаружению их функциональных характеристик. При этом следует заметить, что в зависимости от задач научного исследования основное внимание ученых сосредотачивается порой на каком-либо одном из аспектов. Поэтому в практике научных исследований, в том числе и исторических, различают и используют два самостоятельных способа объяснения: структурный и функциональный. Несмотря на то, что некоторые авторы отрицают функциональное объяснение, в частности К. Гемпель, фактическая распространенность функциональных объяснений в антропо-

логии, социологии, психоанализе и ряде других наук опровергает это мнение.

Достаточно давним способом объяснения в науке является **генетический**. Он используется при анализе естественно-исторических процессов, вопросов о происхождении, строении и функциях тех или иных природных явлений, а также социально-исторических процессов.

В основе этого типа объяснения лежат общие теоретические принципы (например принцип историзма). При этом эмпирически-индуктивные приемы исследования сохраняют свое эвристическое значение. При генетическом объяснении исследователь строит предварительную теоретическую схему объяснения, а затем наполняет ее конкретным эмпирическим содержанием, не противоречащим данному теоретическому построению.

Наконец, наши рассуждения по поводу объяснения были бы не полны, особенно в применении к историческому познанию, если бы мы не упомянули издревле используемое объяснение, в предпосылках которого имеется указание на мотивы и цели, определяющие те или иные действия людей. Это телеологическое объяснение было присуще еще античным историкам Полибию, Фукидиду, Плутарху и Тациту в их повествованиях о греко-персидской войне или войне римлян с галлами. Оно просуществовало много веков и, пройдя эпоху Средневековья и Нового времени, стало недостаточным в наши дни. Хотя и в эпизодическом виде, это объяснение (телеологическое) еще применяется и в постнеклассический период существования исторических знаний.

Итак, научное понимание неразрывно связано с объяснением. Эти стороны познания взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Однако говоря о соотношении понимания и объяснения, немецкий исследователь Г.Х. фон Вригт считает необходимым проводить между ними различия, и эти различия он видит в следующем: «Результатом интерпретации является ответ на вопрос “Что это такое?” И только тогда, когда мы задаем вопрос, почему произошла демонстрация или каковы были “причины” революции, мы в более строгом смысле пытаемся объяснить происходящие события. Кроме того, эти две процедуры, по-видимому, взаимосвязаны и особым образом опираются друг на друга... Объяснение на одном уровне часто подготавливает почву для интерпретации фактов на более высоком уровне» [5, с. 164].

Характер объяснения, на наш взгляд, напрямую зависит от степени понимания изучаемой проблемы. Если понимание вопроса недостаточно полное, не вполне ясное, далекое от правильности, то и объяснение носит непоследовательный характер, как правило путанный, недостаточно убедительный и репрезентативный.

Фактически то же самое испытывает и понимание при ущербности способов и средств научного объяснения. То или иное понимание, его полнота складывается постепенно, поэтапно (за исключением инсайта, озарения) и имеет различные степени своего выражения, вызревания которых, несомненно, способствует характеру объяснения.

Заканчивая обсуждение, хотим заметить, что содержание проблемы понимания и объяснения весьма сложно и противоречиво, она имеет множество выходов на необходимость исследования движения познания, его развития вплоть до решения задач научного предвидения.

Литература

1. Загадка человеческого понимания. – М., 1991.
2. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. – М., 1995.
3. Философия и методология науки. – М., 1996.
4. Кохановский В.П. Философия и методология науки. – Ростов н/Д, 1999.
5. Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования. – М., 1986.